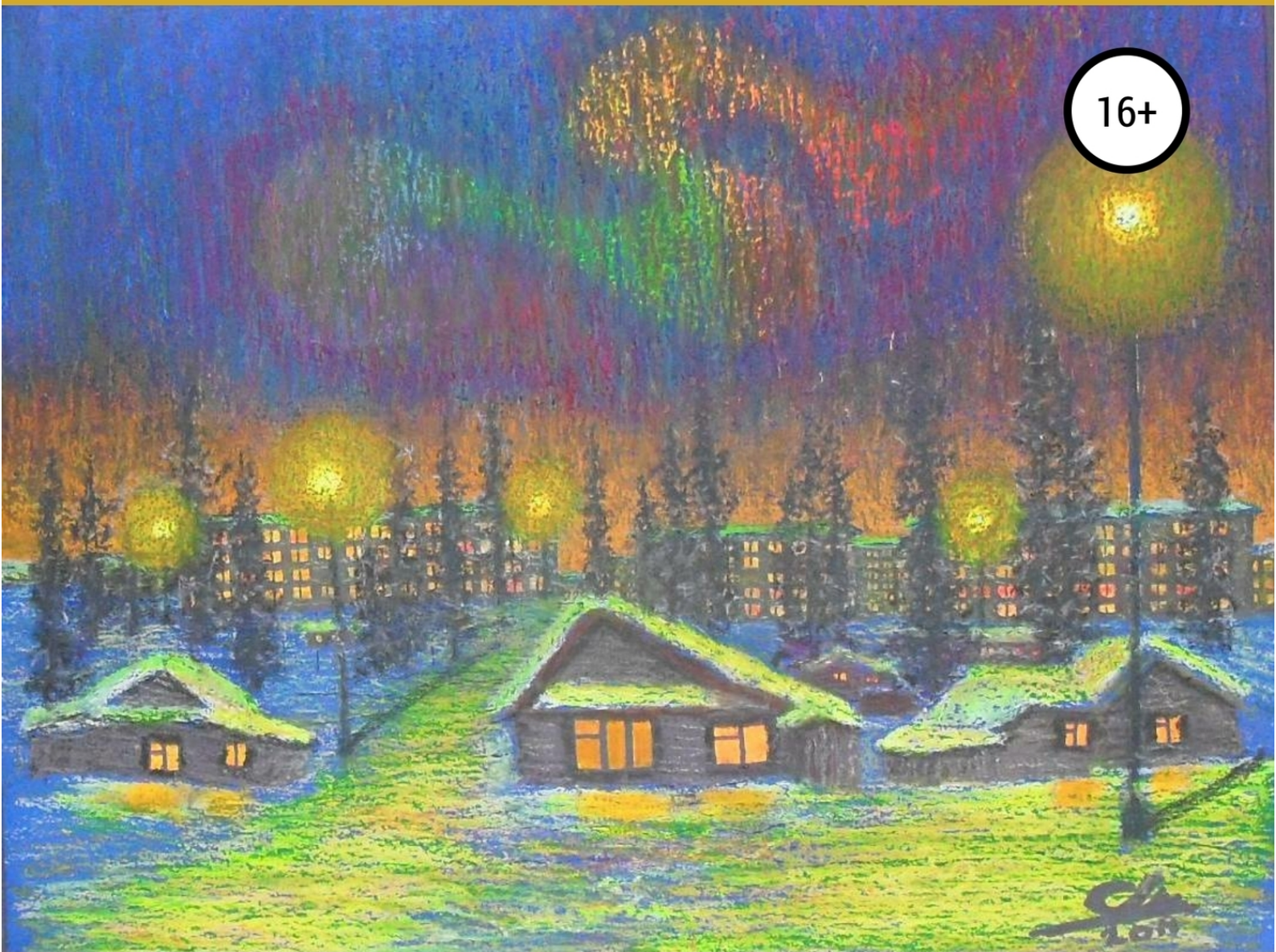

Светлана Морозова

16+

Куда ведёшь, куда зовёшь, Господи

Светлана Морозова

**Куда ведешь, куда
зовешь, Господи!**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Морозова С. П.

Куда ведешь, куда зовешь, Господи! / С. П. Морозова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Книга «Куда ведешь, куда зовешь, Господи» о жизни поколения людей, живущих в самое прекрасное время нашей Родины – СССР, чья молодость пришлась на шестидесятые годы и до перестройки, во времена небывалого расцвета культуры, литературы и всех искусств. Тогда люди жили безопасно, не знали криминала, получали возможность получать бесплатное жилье, стремились получить бесплатное высшее образование. Молодежь ехала на стройки огромной страны, не было безработицы. Многонациональное население СССР было довольно образованное. Патриотизм, равенство, братство и любовь к Родине было главным приоритетом советских людей. Мы были счастливы тогда!

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

После окончания школы я поплыла по течению. Метаясь в поисках профессии, не поступала в институт, поработала маляром, пионервожатой, электрообмотчицей и лаборанткой, а потом не смогла перечить родителям и стала учиться там, где они хотели. А я хотела быть дирижером, журналистом, актрисой, музыкантом, режиссером, архитектором, художником – в общем, чтобы профессия была связана с творчеством. Я таила в себе способности, связанные со свободой творчества в любом его проявлении. Но никто из близких с этим слышать не хотел, поэтому тайники моей души были закрыты! – вера в свою мечту была святой. Я как хилый стебелек долго набирала силы, чтобы наконец-то решиться и распусться во всю мощь.

На это понадобилось два года метаний и учеба в Магнитогорском Горно-Металлургическом институте, куда меня все-таки засунули родители, так как прием происходил в башкирском городе Сибее, недалеко от Магнитогорска, где мы тогда жили. Так я стала студенткой.

Учиться было скучно и неинтересно. Меня все больше занимал вопрос – зачем мне это надо?! И постепенно росла уверенность – хочу быть архитектором! Физика, математика, химия и сопромат приводили меня в состояние – бросить все к черту. Только веселая студенческая жизнь скрашивала скуку учебы. Веселые пирушки были гораздо интереснее. Магнитогорск – побратим Пловдива и у нас училось много болгар. Я жила в комнате на четверых, где была болгарка Нэдка Стайкова. К ней приходили друзья, учившиеся в Магнитогорске. Один болгарин играл на гитаре, и мы пели песни: «Марина, Марина, Марина...». Из «Серенады Солнечной долины», под джазовые мелодии, танцевали липси, буги-вуги, чарльстон, шейк, рок-н-ролл и твист.

У моей подружки Лии был приятель Толик, который руководил студенческим джазом. Я как-то пришла к ним на репетицию, и меня сразили наповал своей игрой саксофонист и ударник. Саксофон был невыносимо прекрасен! Но дуть в него было трудновато, и я попросила ударника позволить мне что-нибудь сотворить. Села перед конструкцией из барабанов и чарльстона с палочками и тарелками и выдала такое, что музыканты хохотали, пока я вдохновенно орала песни и грохотала по тарелкам и барабанам.

Парни балдели:

– Во дает! – шпарит как по нотам! А ну, вдарь по барабану на всю катушку!

Мне тоже понравилось моя музыкальная импровизация, а ребята меня хвалили, и предлагали учиться у них на ударника. Они мне льстили, конечно, но, так как у меня был абсолютный музыкальный слух, и до этого я год училась играть на скрипке, то я поняла – могу! У меня всегда была привычка отбивать мелодии на чем угодно – ложки, стаканы, все, что грохочет, использовала, когда пели песни.

Училась я неохотно, пропускала занятия, на третьем курсе все запустила и к лету мне пригрозили отчислением. Я тогда решила – это шанс! – стану архитектором! С тех пор мое падение всегда было началом пути прорыва и восхождения к новым вершинам.

Шла я до этого по жизни, не зная куда, пока не поняла, что надо знать, куда идешь, чтоб не попасть, куда не хочешь. И так мне показалась серой вся моя жизнь после школы, что я одним махом сошла с протоптанной родителями дороги и рванула на свою неведанную, влекущую меня тропинку.

Мечта исполнилась через год, в течение которого я работала в Усть-Каменогорске, куда мы переехали. По вечерам посещала студию живописи в Доме культуры и готовилась к сдаче экзамена по рисунку. Я увлеченно и прилежно училась всем азам рисунка и живописи, восполняя отсутствие образования, изучала по книгам творчество великих художников.

И Господь послал мне сказочный подарок! – в Усть-Каменогорске к началу учебного года сдали в эксплуатацию Строительно-дорожный институт и объявили набор в архитектурную группу на строительном факультете! Я подала туда документы. Среди абитуриентов были те,

кто закончил художественную школу или училище, так что у меня было много конкурентов. На экзамене надо было в карандаше выполнить голову Аполлона Бельведерского. Я до этого проштудировала книгу «Рисунок в карандаше», где как раз подробно излагалась последовательность рисунка головы этого Бога.

Во время экзамена по рисунку в аудитории можно было свободно ходить между мольбертами, переговариваться, обсуждать. Я частенько вставала и смотрела, как работают мои соседи. Экзаменатор Юлия Николаевна, поглядев мою работу, заметила:

- Тебе не кажется, что немного перечернила? – это ведь не чугун!
- Спасибо, поняла!

Поправила рисунок и гипс сразу зазвучал.

Мне понравилось, как работает Володя Плис, остальные рисунки были на уровне моих, и даже хуже. Это подбадривало. Сидела я рядом с Сашей Мегидем, который появлялся на всех экзаменах в лямбда солдатской гимнастерке, галифе и сапогах, видно, чтобы особо выделиться.

– Привет, солдатик! Что так нерешительно стреляешь? Не дрейфь, заряди карандаш ТМ, он лучше, чем Т, и бей тем же местом по тому же месту без промаха!

- Спасибо, рыжая, сам дойду до победы!
- Флаг тебе в руки, сержант!

Через четыре часа сдали работы. Моя работа была оценена на пять с минусом, и я стала студенткой. Сокурсники были младше меня на 4 – 5 лет, сверстников было четверо, но никто не замечал разницы в возрасте, все были молоды. Учиться было так интересно, что чувство необыкновенного счастья было моим не проходящим состоянием.

Мне с детства не хватало любви. Я ее не имела в достатке от родителей, которые всю любовь отдавали младшей сестренке и я долго не знала себе цены. И только в школе и позднее в институте, поняв, как мне подчиняются сверстники, признавая мое лидерство, я стала истинной львицей и старалась повышать свою планку во всем. Сидеть, как собака на задних лапах не могла. Мое правило было – делай что должно, и будь что будет! Эти слова адмирала Корнилова я несу по жизни! Всегда была прямолинейной и независимой, что многим не нравилось. Но моей мятежной натуре нужны были потрясения и страсти, а не спокойная жизнь. И это всегда было не гладкой дорогой, а чаще всего тернистым путем.

Дети войны, мы были особенно активны, верили в светлое счастливое будущее любимой Родины. Наше поколение шестидесятников прыгнуло в новое время, резко сделав поворот в совершенно иное измерение, где юношеская отвага, патриотизм, максимализм, романтизм, стремление к доброте, подвигу и справедливости выплескивалось в литературу, музыку, песни, стихи. Все было направлено на сотворение себя как человека будущего – смелого, сильного, интеллектуально развитого.

Во мне всегда горел огонь желаний, и я не просто мечтала о чем-то, я стремилась их реализовать и все делать лучше всех. Меня многие считали гордичкой и выскочкой, но мне было не важно, что обо мне думают. Главное, что мои помыслы были чисты и подкреплены стремлением к совершенству. Я всегда ощущала себя счастливым человеком, любопытная как кошка, мне всегда все было интересно в этом прекрасном мире.

Как-то одна женщина мне сказала:

- Какая ты счастливая, тебе все нравится!

И это ее объяснение неожиданно открыло мне, что любить этот мир, людей, себя – это и есть счастье, и это было не проходящим моим состоянием. Даже если были неудачи, грустные моменты, беда, горе, я старалась найти причину и устранить это, если в моих силах или смириться, если так будет легче. Всегда анализировала свои поступки, когда что-то не получалось. У меня всегда был какой-то прямо таки спортивный интерес решить любую проблему, найти выход там, где его не видят. Постепенно это стало привычкой, и от этого было легче жить.

Усть-Каменогорские учителя по архитектуре были бывшими аспирантами МАРХИ. Молодые и талантливые, они учили студентов постигать истоки архитектуры от Витрувия и Палладио. Мы изучали правило Золотого сечения, ордера и капители, рисовать которые на ватмане, натянутом на подрамники, было первым нашим проектом. Мы все были влюблены в свою будущую профессию архитектора.

После первого курса у нас была месячная практика в Ленинграде в Зимнем дворце, где проводились реставрационные работы, была масса экскурсий по архитектурным достопримечательностям Ленинграда и его окрестностей.

А потом нашу группу перевели в Алма-Ату, так как руководство Казахстана решило, что архитекторов надо непременно учить в столице. Был вариант поехать учиться в Москву в МАРХИ, но я отказалась, меня привлекала экзотическая знойная Азия.

В Алма-Ате архитекторов-первокурсников не учили правилам Золотого сечения, они не знали Палладио и Витрувия., а в Усть-Каменогорске мы прикоснулись к древним знаниям, чтобы научиться любить архитектуру трепетно, как искусство. Я считаю ее законодательницей всего. Ну, это же очевидно – если в архитектуре барокко, или что-то другое, то оно везде. Сразу же мода, одежда, мебель, музыка, танцы – соответствующие.

Преподаватель истории архитектуры всеми любимый Юрий Богданович Туманян обращал особое внимание при изучении двадцатого века на Щусева, Леонидова, на русский конструктивизм, Корбюзье, Оскара Нимейера, Мисс ван дер Роэ, Кендзо Танге – прекрасных архитекторов. Но это был суховатый конструктивизм, и мимо нашего сознания промелькнул прекрасный русский самоучка-архитектор Федор Шехтель. Я открыла его уже позже, и буквально влюбилась в этого талантливого мастера русской архитектуры. Его отношение к внесению в архитектуру элементов декора истинно русского направления, делающих фасады и интерьеры особо привлекательными, неповторимыми и сказочно красивыми, было необыкновенным вкладом в национальную архитектуру России. Новая коммунистическая власть после революции предала его забвению, отстранив гениального творца от любимой работы. Федора Шехтеля постигла судьба многих талантливых людей России, он умер в нищете, а вместе с ним похоронили на долгие десятилетия и его сказочные идеи Русского ренессанса.

Архитектура советского периода особо достойного следа в истории страны, с моей точки зрения, не оставила. Выдающегося почти ничего не было построено, несмотря на отмеченных премиями архитекторов. И вот что особо интересно – проектируемые в РСФСР объекты были гораздо менее интересными, чем в национальных республиках, оттого, что в них преобладал акцент на национальную направленность. Это было приоритетом, спасло от безликости, давало свободу творчеству и раскрытию индивидуальности.

Середина шестидесятых годов пришлось в Алма-Ате на строительство и реконструкцию центра столицы. Сносили частную малоэтажную застройку и возводили новые современные здания. Появились проектные институты, где работали все наши преподаватели по архитектуре. Первые интересные здания в Алма-Ате были построены именно по их проектам. Для архитекторов-проектировщиков была полная свобода, любые строительные материалы и архитектурные фантазии приветствовались. Столица Казахстана должна была стать шедевром самых ярких архитектурных возможностей, с упором на характерные национальные особенности при создании облика южного столичного города. С тех пор довольно захолустный городок на наших глазах превращался в красивейший мегаполис с прекрасными архитектурными ансамблями и площадями, окруженный горами с белоснежными вершинами.

Я училась с удовольствием. И уже на первом курсе показала свой характер, когда на подрамниках делали отмывку фасадов известных архитектурных шедевров. Мне достался главный фасад Успенского собора Московского Кремля. Преподаватель Александр Иванович, молодой самовлюбленный красавец, бывший аспирант Московского архитектурного института, непрекаемый авторитет, гнул свою линию. Он считал необходимым выполнить фасад в стиле рас-

пространенного в СССР сурового соцреализма, чтобы собор производил впечатление торжественно-грозного религиозного храма. А я, влюбленная в радостные цвета, пыталась доказать, что моя подача должна быть живописнее, красивее и интересней. И не сдалась, сделала все по-своему. Вместо скучного серенького фасада, на котором настаивал преподаватель, я наполнила пространство подрамника солнцем, отчего небо, облака и сам собор светились, и даже мостовая, выложенная древними отшлифованными камнями, играла солнечными бликами. Радостно и гордо простер свечи куполов благословенный православный собор. Так и дотянула свою идею до сдачи проекта.

Ну, вот никто не смел противоречить преподавателям, одна я, такая вечно свободолюбивая белая ворона, отстаивала свое право на самостоятельность и пыталась доказать свою точку зрения, отличную от других, независимую. Топала напролом на амбразуру, прямо с ходу, на первом курсе! И ведь получилось! Мне важно было вдохнуть душу в проект и передать всю благодатную значимость храма. Правда, оценку мне поставили 5 с минусом. А когда шло обсуждение, Александр Иванович так прямо и объяснил этот минус:

– За строптивость!

– Ну, это уж Вы, простите, загнули, Александр Иванович! И я постараюсь отстоять свою точку зрения, чтобы мне поверили! – сразу же возразила я.

Подрамники были выставлены вдоль стены. После выступления преподавателей наступал черед студентов, которые высказывали свое мнение. Я в таких случаях предпочитала не лезть вперед, а сначала послушать всех желающих высказаться. Первый выступил, как всегда, Володя Скалабан, мой ровесник, окончивший художественное училище. Он прошелся по всем работам, особо задержался на моей, и сказал:

– Мне понравилась работа Лево́й Светланы. Вполне профессиональная работа, гармоничное цветовое решение, воздух, солнце, какая-то радостная одухотворенность. Одно маленькое замечание, я бы изобразил брусчатку не цельным покрытием, а частично, с пробелами. Но это уже чисто художественное решение. Красивая, замечательная работа! Оценка, по моему мнению, несправедливо занижена.

Остальные выступления после Скалабана были вялыми, не интересными и ничего нового никому не добавили. И я решила! – мой выход:

– Я не буду останавливать внимание на всех работах. В основном все сказанные замечания были справедливы. Хочу высказать свою точку зрения на оценку моей работы. Она меня не огорчила, она как бальзам на душу – комплимент девушке с характером. Однако, мне кажется, надо ставить оценку все-таки не за характер, а за художественное решение проекта, которых может быть великое множество. Да, оно не совпало с мнением Александра Ивановича. Но я сделала это сознательно, и смогла передать величие творения великого архитектора. Мне больше нравится образ собора жизнеутверждающий и радостный. В той подаче, от которой я сознательно отказалась, результат был бы серенький, рядовой. По-моему мнению, гениальных архитекторов отличает главное качество – индивидуальность. Настоящий талант – это стихия, ее нельзя ограничивать, она творит свою работу особо, а не как все! Что я и сделала!

Александр Иванович моментально отреагировал:

– Какая Вы самоуверенная, это как-то нескромно, считать себя талантливой!

– А я опять поспорю! Дело в том, что мы все, находящиеся здесь, талантливы. Талантом у древних считалась мера денег. Так вот, Господь всех нас наделил талантами. И от нас зависит – приумножить этот талант или растратить! Ломоносов так и остался бы рыбаком, если бы не захотел учиться. Если ты прав, надо отстаивать свою идею.

Заметно было, что однокурсники со мной согласны, однако помалкивали.

Жилось студентам в Алма-Ате хорошо, фрукты и овощи были очень дешевыми. Только стипендия уходила катастрофически быстро. Учеба в институте проходила в две смены, архи-

текторы учились в отдельном корпусе с двух часов дня. Это приучило нас к особому режиму, вставать можно было в полдень, а по вечерам и ночью мы делали проекты. У нас были частые пирушки с песнями, танцами и музыкой, которая гремела из всех окон общежития зачастую до утра.

Первый год в Алма-Ате вдали от дома был, конечно, особый. Столичный южный город, окруженный снежными вершинами, огромные пирамидальные тополя, журчащие арыки вдоль дорог, казался экзотическим мне, жившей до этого там, где суровая зима.

Жили в одной комнате я, Валентина Стрельчук, которую стали звать Стрельчихой, Надежда Бондарева, Нина Юлина и Галя Москальцова. Все мы приехали из Восточно-Казахстанской области. Стрельчиха, меланхоличная девица, своими томными коровьими глазами буквально завораживала особой мужского пола. Кроме того она, в дополнение к этому, имела привлекательный выдающийся зад, на который, казалось, положи чемодан, он не соскользнет. Надежда Бондарева, которую я окрестила Над Бонд, степенная, добрая, с тонкой ласковой улыбкой на маленьких губках, была какая-то теплая и надежная. Нина Юлина, маленькая, похожая на куколку, этакая Дюймовочка, молчаливая, с вечным видом только что проснувшейся, с широко открытыми глазами изумленной девочки. Вечно шмыгающая носом, она постоянно валялась на койке. Галка Москальцова со всех сторон смотрелась серой-пресерой мышкой, незаметная тихоня, но была при этом как мудрая всезнающая старуха, с легкой ироничной усмешечкой.

Юлину вскоре присмотрел и уговорил выйти замуж один студент, маленький, хиловатый и от этого комплексующий, с гаденьким гонорком, Вадим. Нина вышла за него замуж и ушла из общаги, а к нам влетела Грассиха, как ведьма на метле, на полусогнутых, шаркающих подошвами тоненьких, как у козочки, ножках. Грассиха носила огромные старушечьи очки в рыжей оправе на длинном носу и рыжеватого-коричневый парик, так как своих волос ей явно не хватало. Она любила лежать на кровати с книжкой в руках. Главным в ее речи было слово «жопа». Этим словом она виртуозно распорядилась, используя его во всех случаях как убийственный аргумент. Приходилось ее иногда останавливать:

– Грассиха, заткнись! Все у тебя через одно место происходит!

– Ну да, правильно – через это место не только происходит, но и выходит!

– Да ничего у тебя не происходит, кроме того, что ты это свое тощее место с кровати лениво поднимешь, пойдешь покурить, и снова уронишь в кровать.

Неизменно появлялась в нашей комнате Бэла Ким, строитель, которой я дала кличку Бэла-Ким-Советский-Союз, так как Бэла защищала честь института на соревнованиях по волейболу. Вот такая была команда.

Как только получили первую стипендию, или, мы ее ласково называли – стипа, сразу устроили грандиозный выпивон, продолжающийся с перерывами до того момента, пока стипе не пришли кранты. Пришлось почесать в затылке, напрячь ровные девственные извилины и уныло попытаться сообразить, как жить дальше. Для начала заваривали ржаную муку, из которой мы варили клейстер для наклейки ватмана на подрамники. Мы варили галушки из этой ржаной муки с картошкой и несколько дней продержались. Потом осточертело. А кушать хотца! И денег ни шиша, до стипендии бы дотянуть, деньги отложили вкладчину только на хлеб, картошку и автобус до архитектурного корпуса.

В такой ситуации я разработала план, как дожить до стипы. Идея состояла в том, чтобы со Стрельчихой и Надеждой ко всем по очереди сокурсникам, живущим дома, напроситься в гости и пообедать на халяву. А если акция пройдет удачно, то ее изредка повторять по кругу.

Составили список жертв. Набралось 7 кандидатов. Первой в списке была Маня Каткаева, китаянка, она жила с мамой. Договорились, и в воскресенье к обеду нагрязнули, голодные как цепные собаки, не позавтракав. Желудки тоскливо урчали и ныли, пока мы терпеливо вели с Маней болтовню и смотрели фотографии старых китайцев из семейного альбома, прислуши-

ваясь к тому, что творится на кухне. Трепетали ноздрями, но запаха в предвкушении обеда со щами и мясом, не слышали.

И когда уже приуныли, появилась Манина мама и торжественно пригласила нас на кухню. Стол был красиво и элегантно сервирован чудной красоты малюсенькими расписными чашечками китайского фарфора. Тонкий аромат чая растекался из большого фарфорового дивной красоты чайника, на столе стояли вазочки с печеньем и творогом, и молочник со сливками. Чай был разлит и творог маленькими горками разложен в изящные крохотные китайские розетки. Слюнки текли, и мы их быстро проглотили вместе с печеньем и творогом. Все было изумительно вкусно и моментально опустошено. Мы не смогли позволить себе долго наслаждаться этим изысканным великолепием, после чего продолжилась светская беседа с голым чаем и вареньем. Мама подкинула еще чуток творожка с вареньем, мы его опять мигом схватили и, поняв, что ждать больше ничего, спохватились:

– Ой, у нас же завтра диалектический материализм, надо готовиться, там сам черт ногу сломит! Бежим, девки!

Мы сердечно и благодарно попрощались с Маней и ее мамой и уехали на трамвае, истратив последние три пятака, оставшихся после того как купили буханку хлеба в булочной. Хлеб оказался почти горячим, мы его ломали на куски и быстро смолотили, весело хохоча и обсуждая светский прием и китайские церемонии.

Следующий визит нанесли Томке Синдеевой. Она жила с отцом на краю Алма-Аты в своем доме с огромным садом. Это особенно привлекло – свой дом, свой сад! – ну уж там-то нажремся.

Отец Тома, добрый толстячок Иван Степаныч, был несказанно рад молоденьким девочкам, и радушно суетился, поняв, что гости голодны. Войдя в просторную кухню-столовую, мы ахнули:

– Ой, какой стол! – да тут на целый полк солдат хватит. И чего тут только нет! Том, это ты такая кулинарка?

– Как же! Это папа у меня волшебник, каких не найдешь! – с любовью глядя на отца, говорила Тома и подкладывала нам еды, которой в изобилии был уставлен огромный стол.

Мы навалились на разносолы, жаркое и пироги. Все было необыкновенно вкусным. Вино оказалось очень сладким и в меру хмельным. Мы весело болтали и, утолив голод, слегка опьяневшие, самозабвенно, с чувством орали русские народные песни вместе с Иван Степанычем, который подпевал хриплым басом и наяривал на гармони.

Потом выскочили из дома в уютный двор с огородом и садом, попробовать сочных груш и слив прямо с деревьев.

И вот с этого момента все началось. Фрукты оказались для нас убойным роковым десертом. Первой, почувствовав неполадки, в отдельно стоящий дощатый домик помчалась Стрельчиха, потом рванули мы с Надей. Около часа продолжался наш страдальческий карусельный марафон. Мы, как заведенные, по очереди бегали друг за другом, пока не вытряхнули из себя все съеденное. Потом полегчало, и мы почувствовали себя в порядке. Но от продолжения застолья дружно отказались.

Томка с отцом были очень огорчены, что гости чуть не окоchureлись от обжорства, поэтому нагрузили нас по полной программе, чтобы восполнить все, что мы старательно вытряхивали из своих желудков. Домой ехали с полными авоськами еды, вина и фруктов. Вполне довольные и повеселевшие, хохотали над собой на весь автобус.

Приехав в общагу, снова наелись и накормили голодных Галку и Грассиху.

– Чудеса! Светка, в какой жопе вы это достали? – изумленно вопила тощая Грассиха, вонзая зубы в пирог с мясом.

– Люсенька, все, что у нас было, мы оставили в сортире гостеприимного Ивана Степаныча, остальное абсолютно безвредное и умопомрачительно вкусное. Ты, Люська, жрешь много, но

все зря! Не в коня корм, тощая, как селедка и никаких выпуклостей. Как тебе это удастся? Только харч переводишь!

– Зато вас можно вообще не кормить, ваши жопы все равно будут толще всех. Девки, а скажите-ка, я красивая?

Я смерила Грассиху глазами с головы до пят и произнесла:

– Ты не у нас спрашивай, а у своего парня.

– Какого еще парня?

– Вот и я о том же! Женщина, Люсенька, всегда остается красавицей даже после семнадцати, если она не дура, конечно! Хотя в каждой женщине живет одновременно и дура, и стерва, и ангелочек. Надо только знать, как и кого в себе разбудить. А если нет своего парня, Люсенька, пользуйся чужими. Ты, вооше, знаешь, что у нас на десять девчонок приходится девять ребят? Если врубаешься, то не жди, а действуй, и – пропадай моя телега!

Так мы дожили до следующей стипы, побывав у Ларисы Носовой и других, живущих дома. А как-то Боря Бойко, уехав к родителям в село, отдал нам ключ от комнаты, чтобы мы могли брать его проигрыватель, когда понадобится. Нескладный и грубоватый на вид, Боря был тонким и страстным ценителем классической музыки и джаза. Мы его проигрыватель брали, а заодно не отказались от возможности откусить аккуратно несколько раз от приличного шмата сала, который Боря привез из дома и неосторожно оставил в тумбочке. Добрый Боря привык к нашим конфискациям и не обижался. А мы искренне и горячо просили у него прощения, обещая исправиться. И он, как последний фряер, прощал, не верил, но ничего от нас не прятал.

Первый Новый Год в Алма-Ате обозначился дождиком, никакого новогоднего снега не было. А наши ночи после праздника были заняты проектами и зачетами. Прибегали вечером с занятий голодные как собаки.

От архитектурного корпуса до общаги надо было ехать на автобусе остановок шесть. Денег вечно не хватало, и мы предпочитали по возможности проехать зайцами. Стрельчиха особенно в этом преуспевала. То у нее не было монет, только рубли, то делала вид, что билет не купила по рассеянности, то вообще говорила, что денег нет, и просила кого-нибудь из нас заплатить за нее. Долг, конечно же, не отдавала, а требовать вернуть пятак никто не осмеливался.

Как-то мы ехали, в автобусной толпе Валентина торчала у задней двери, а я устроилась возле кабины водителя на месте кондукторши, которой не было. Я прогнулась к кабине, взяла лежащий рядом с водителем микрофон и, подмигнув ему, сунула нос в шарф и гундосо проорала:

– Граждане, прошу платить пятак, с зайцев штраф один рупь! Эй, девушка в темной шляпке с розовыми цветочками, я уже десять минут слежу за Вами, как Вы каждый раз таки зайцем катаетесь, и уже не впервой пытаетесь нагреть государство. Я щас проберусь к Вам, зайчиха, так что, ласкаво просимо – готовьте рупь! Ждать устала, так что штраф схлопотала, голубушка.

В зеркало водителя было видно, как Стрельчиха суетливо заторопилась к двери и заорала:

– У меня пятак нашелся!

– Не надо мне мозги пудрить, я этого пятака жду уже три остановки! Граждане, задержите зайчиху, и пусть передаст деньги. Автобус не остановится, пока не получу рупь. Да поживей! – неумолимо вопила я гнусавым голосом.

– Да у меня пятак нашелся! – срывающимся голосом заорала пунцовая как помидор Стрельчиха.

– Поздно уже, передайте деньги! – гремела я на весь автобус.

Рубль передали, я забрала его себе, оставив пятак водителю. Стоящий рядом Боря Бойко ржал как мерин.

Доехав до своей остановки возле гастронома Южный, студенты толпой посыпались из автобуса.

Дойдя до Южного, я сунула нос в шарф и гнусавым голосом сообщила:

– Граждане пассажиры, у нас есть прекрасная возможность купить на Стрельчихин рубль бутылку портвейна, надо только добавить чуток. Хватит ей балдеть на халяву!

– Ах, ты, это ты, Левая спектакль устроила?! Отдай деньги – последние!

– Ну как, девки, простим, или казним и пропьем?

– Казним и пропьем, что-то стало холодать! Глинтвейн из вермута избавит нас от простуды, на бутылку наскребем, закусь купим в закускойной, пока еще работает. Ноги в руки и бежим!

В закускойной возле общаги все уже было съедено, осталась только слипшаяся холодная вермишель с подливом. Ну, и это сойдет.

Добравшись в общаге до своего этажа, услышали пение казашки Базили. Приоткрыв дверь ее комнаты, я увидела кучу ее друзей казахов, расположившихся на стульях и кроватях. Базиля сидела в центре у стола с домрой в руках и сильным красивым голосом, как у Розы Баглановой, пела казахскую песню. Удивительная мелодия завораживала пронзительной душевностью и мастерством исполнения юной певицы. Это была, конечно-же, песня о любви, что было ясно, не зная языка. Я прикрыла дверь, и мы повернули к себе. Стрельчиха, шумно потянув носом, сказала:

– У Базили день рождения, а на кухне что-то варится, наверняка вкусенькое типа бешбармака.

Мы зашли на кухню. Она была пуста, а на плите в десятилитровой кастрюле варились казы – блюдо из конских ног для гостей Базили. Полная кастрюля казы, штук десять, и без охраны! – никого нет. А жрать хочется безумно!

– Интересно, как думаешь, долго варится, Валентина?

– Да час, наверное, судя по воде. Уже, пожалуй, готово!

Мы вышли в коридор. Постояв в раздумье, я скомандовала:

– Валентина, дуй за вилкой и мигом назад, жду!

Стрельчиха прискакала с вилкой. Я скомандовала:

– Тащи из кастрюли две казы, спрячь под кофтой, да мигом чеши в комнату. Не дрейфь, подруга, все будет тип-топ, покараулю.

Вышла, оглядела коридор. Пусто! Операцию изъятия провернули молниеносно. Горяченные казы, засунутые под шерстяную кофту, так жгли Стрельчихин живот и руки, что она тихонько попискивала от боли и эти лошадиные ноги чуть не выронила. Но стойко стерпела, только взвыла, молниеносно допрыгнув несколько метров до нашей комнаты. А когда я мигом повернула ключ в двери, Стрельчиха все-таки не удержалась и ляпнула эти казы из-под кофты на пол, не донеся до стола. Грассиха козочкой подскочила и подняла их. Они оказались не только горяченными, но и тяжеленными. Люська, торопливо бросила их на стол, пальцы ее рук запылали.

– Живот не обожгла, Валентина?

– Горит огнем и пальцы тоже!

– Дверь на замок, никого не впускать, никому не открывать, вести себя тихо, нас нет! – командовала я.

Стрельчиха, приподняв полы кофты, рассматривала красные пятна на животе. Грассиха сообразила:

– Валька, мажь салом казы брюхо и пальцы, все пройдет.

Мы заняли места вокруг стола, вывалили в миску вермишель с подливом. Разлили портвейн, разогретый на плитке, добавили сахар, гвоздику и красный перец – получился глинтвейн. Я подняла стакан:

– За нас, девки! А ты, Стрельчиха, получишь за геройский поступок добавку. Стырить пылающие конские ноги, не жалея живота своего ради подруг – это подвиг. Мне тоже полагаются добавка, но я великодушно отказываюсь от нее в пользу тощей Грассихи. За то Бог меня простит как организатора преступного сговора. Ну, девки, отпразднуем день рождения прекрасной талантливой акынши Базили и пожелаем ей счастья, здоровья, доброго мужа и кучу черноголовеньких казахских деток! Спасибо, Базиля, что дала возможность утолить голод бедным архитекторам.

Грассиха не удержалась:

– Ты, Светка, вечно что-то несешь, Не можешь по простому, плетешь чепуху, лишь бы болтать что-то несусветное.

– Так ведь от этого, Люенька, жить интереснее, я даже сказала – наряднее. Мне всегда хочется выразить что-то доброе, светлое, вечное...

– Ладно, заткнись, подавимся!

Все дружно вцепились зубами в жилистые обрезки мяса, которое ловко остругивала с лошадиных мослов Грассиха.

– За наше счастливое завтра и удачно провернутую операцию по изъятию излишков роскоши! Ура!

Потом я скорбно поджала губы и обратилась к Стрельчихе;

– Валентина, придется покаяться, нас видели!

Стрельчиха поперхнулась и закашлялась. Грассиха заботливо долбанула ее по спине и Стрельчиха, отдышавшись, испуганно спросила:

– Да ладно, никого ж не было, с чего ты взяла?

– Нас видел Бог! Прости нас, Господи, для всех старались! Лишнего не взяли, всем хватит, прости нас!

Девки посмеялись над испуганно тарасившей глаза Стрельчихой.

– Да Бога-то, говорят, нет!

– А Ему до лампочки, кто что говорит, Он все равно – есть!

По комнате распространился запах мяса.

– Эй, кто-нибудь, форточку откройте, вонища от этих казы лошадиная. Казахи не досчитаются мосолыг, искать пойдут и сквозь дверь учуют. Если поймут кто спер, не сдобровать! – нас на этот пир никто не приглашал.

Резаные на кусочки казы мы торопливо, давясь, жевали, боясь услышать стук в дверь. Упругое жестковатое конское мясо было явно недоваренным. Обглоданные мослы выбросили в форточку, заметая следы пиршества. Из форточки несло морозным воздухом, и мы сидели некоторое время молча, согретые глинтвейном и закутавшись в одеяла. Запах казы, казалось, ушел и форточку закрыли.

Никто в дверь не стучал, разыскивая мосолыги. Девки успокоились, и на всех напал смех.

Неблагодарная Грассиха пригрозила:

– Ну, Левая, если моя жопа эти мослы не переварит, я тебе такую жопу устрою!..

– Не устроишь! Сил не хватит – ты теперь с горшка не слезешь! Ты, Люшенька, на нем теперь будешь неделю жить! По-твоему лучше сидеть не жрамши, непорочная ты наша и неблагодарная? Мы никогда не забудем Стрельчихин подвиг, она ради тебя не пожалела живота своего! Тебя же в профиль не видно было, один нос торчит, а поела – сразу появилось немножко попы.

Нам повезло, у Базили и ее друзей никто не догадался, какая сволочь свистнула из кастрюли две конские мосолыги.

Наш архитектурный корпус находился не в главном здании института, а отдельно, в старой центральной части города, где размещались старые одно-двухэтажные постройки. Рядом

с нашим старым двухэтажным корпусом находилась Картинная Галерея, в которую мы лазили через забор, а чуть дальше киностудия «Казахфильм», в которой во время войны работали все знаменитости советского кино. Рядом был парк с большой красивейшей, нарядно раскрашенной деревянной церковью и Дом офицеров, где каждый день было кино.

Алма-Ата – многонациональный город. Так случилось с тех пор, когда в казахстанские степи по ленинско-сталинскому почину ссылали депортированных и репрессированных со всей страны. В столице жили казахи, евреи, немцы, корейцы, китайцы, русские, украинцы, кавказцы, греки... Не перечить, тех, кто не вернулся в родные края из казахстанских лагерей. В нашей группе кроме русских были казахи, китайка, немец, узбек и украинец.

Интересно было наблюдать, как вживаются в столичную жизнь приезжающие из сел и аулов абитуриенты. Например, появляется на первом курсе какой-нибудь русский Степа из далекого села. Он, конечно, потом и упорством пробился в студенты, а далее продолжал так же упорно грызть науку, разгружая товарняк на вокзале, чтобы не просить денег у родителей. Приехал Степа в скромной курточке. И не скоро вылез из нее, лишь к концу учебы приобрел приличный костюмчик. Мужскому населению в наше счастливое время было принято ходить в строгих костюмах и рубашках с галстуком.

Другое дело – казахи, приехавшие из аулов. Это совсем не наши Маньки и Ваньки, приехавшие из сел и деревень. Я заскочила как-то в одну комнату за солью и увидели, как, сидя на кровати и поджав ножки, две казашки-первокурсницы шарили друг у друга в волосах кухонным ножом. Вшей давили. Дело в том, что приезжающие учиться из аулов казахи проходили обязательный медосмотр на наличие педикулеза, попросту – вшей. Их уничтожали специальным мылом, но, чтобы избавиться от мерзких насекомых, надо было мыться чаще, чем принято в аулах, и вшей студенты из аулов привычно уничтожали ножом. Казашки были одеты в простенькие ситцевые платица, из-под которых виднелись длинные ситцевые цветастые панталоны. Аульские девчонки были похожи на маленьких пугливых козочек.

Приезжающие парни-казахи были немногословны, вели себя степенно и с достоинством, одеты простовато и скромно. Но! – проходило совсем немного времени и казахи преображались до неузнаваемости. Парни облачались в черные элегантные дорогие костюмы и белые рубашки с черными галстуками, словно английские битлы. Девчонки уже не напоминали пугливых козочек, а скорее ласковых, знающих себе цену ланей. Они скоростно осваивали запредельно короткие облегающие бедра юбки, туфли на высоких каблуках, соорудили из волос залакированные с начесом бабетты и сэссун. Красили узенькие глазки-щелочки черной тушью, загибая толстой чертой кверху, чтобы как у Одри Хепберн. Закинув ногу на ногу и кокетливо приоткрыв бедро, заправски курили сигареты, картинно дымя. Их родители из аулов пасли в горах овец и коней, получали денег гораздо больше, чем было принято, и их детки жили безбедно. У казахов денег всегда хватало ходить в рестораны, и водить в ресторан «негров» вроде меня, которая проектировала строителям фасады для дипломных проектов и решала задачки по сопромату.

Мне мама-портниха присылала двадцать пять рублей, а также одежду и обувь по последней моде, шила потрясающие платья из дефицитного яркого зарубежного шелка, посылала умопомрачительные кофточки и костюмы из Болгарии и Прибалтики, чешские и французские туфли, появившиеся в год пятидесятилетия Великой революции. Мои рыжие пылающие волосы – модная стрижка или конский хвост, а также голубые раскосые глаза и монгольские скулы производили впечатление. У меня не было недостатка в поклонниках, которых я часто меняла, не привязываясь надолго. Наш приятель-кореец Виталик Когай иногда называл меня Софи Лорен и светской львицей.

Женя Прохоров, мастер раздавать прозвища, прозвал меня со Стрельчихой стюардесами. Может, таинственный смысл этого прозвища имел перевод слова стерводесса?! – кто его знает, что имеет в виду сложный мужской индивид. Женя Прохоров был преподавателем

английского языка и жил в нашем общежитии. Он был инвалид, с детства ходил на костылях. Но ему не было равных среди молодых людей по уровню интеллекта, остроумия и образованности и в этом было его неоспоримое преимущество, что возвышало его над всеми особями мужского пола. Всегда веселый и насмешливо-ироничный, он знал три европейских языка, изучал китайский, мог переводить любую техническую литературу. Его все любили и уважали. Научные работники всех степеней и специальностей, посещающие границу, часто заказывали ему переводы своих трудов. Зная его любовь к музыке, они привозили ему из-за рубежа дефицитные пластинки и даже притащили невиданный в то время проигрыватель со стереосистемой. Благодаря Жене я узнала всех зарубежных мастеров джаза и потрясающих певцов, которых нигде невозможно было услышать: Элвис Пресли, Армстронг, Кросби, Синатра, Рэй Чарльз, Чаби Чаккер, Боб Дилан, Элла Фицджеральд, негритянские спиричуэлс, блюзы и многое другое, что я безумно полюбила.

Те, кто приходил к Жене на вечеринки, были интереснейшими людьми. Я частенько пропадала у него вечерами, где под стереофонические томительно-нежные блюзы с умопомрачительными синкопами, рок-н-ролы и джазовые композиции, мы пили портвейн и вели бесконечный треп до полуночи обо всем – стихи, книги, кино, политика, искусство. Пели под гитару песни Булата и Володи Высоцкого, блатняк сталинских лагерей знали наизусть.

Женю я считала своим самым большим другом. Он был заметно влюблен в меня и, понимая, что шансов у него нет, смиренно довольствовался ролью друга. С ним у меня не было секретов, я ему абсолютно доверяла. И была счастлива в обществе его друзей, которые были неизмеримо интереснее студентов, как короли над плебеями.

Женя, мастер раздавать всем меткие прозвища и клички, не обошел вниманием и меня. Я с ним познакомилась, постучавшись в его комнату, так как услышала несущуюся из нее джазовую музыку. Он открыл и изобразил обалдемон:

– Откуда ты взялась, дивное создание? Ишь какая, глазищи сверкают как у киски!

– Да я и есть киска, львица я, люблю гулять где хочу, хоть по раскаленной крыше. Живу я тут, на втором этаже, архитектор Светлана Левая.

– А чего левая-то, кликуха?

– Фамилия такая, к тому же я левша.

– Ну, проходите, пожалуйста, что ж на пороге стоять! Чем обязан, красавица?

– Музыка у Вас классная, не могла удержаться, решила познакомиться.

– Ну, давайте знакомиться. Евгений Прохоров. Для Вас просто Женя.

– Можно на ты?

– Пожалуй, можно, если ты будешь появляться у меня на вечерних приемах. Не обязательно в вечернем туалете. Собираются в основном умники, интересные и высокообразованные интеллектуалы, с желанием потрепаться всласть, подискутировать, острословы с оригинальным мышлением, не лишённые чувства юмора. Если ты соответствуешь – приходи, наше общество тебя примет. К тому же ты будешь у нас единственная, да еще и красивая женщина.

– Я соответствую! А я тебя знаю, ты преподаватель английского на других факультетах. Давно хотела с тобой познакомиться, да не решалась. Музыка люблю ужасно, а у тебя она такая, что нигде не услышишь. С ума сойти, до того классная!

– Шустрая ты, однако, улыбка у тебя хорошая и имя светлое, несмотря на то, что Левая. Ладно – буду звать тебя Свечкой. Идет?

– Йес, сэр!

На вечеринках у Жени ученые разных наук, преподаватели, аспиранты и студенты, любители до опупения поспорить обо всем, приносили самиздатовские книги, привозили из загранки пластинки, читали стихи под постоянно звучащую музыку и пили принесенное вино. Не танцевали, в комнате для этого не было места.

А я была известна как спец по архитектурному проектированию. Студенты строители часто просили меня сделать на подрамниках фасады для дипломных работ. Им нравилось, как я работаю акварелью. В качестве платы водили в ресторан. В ресторан можно было сходить за пятерку. Стипендия была тридцать пять рэ. В столовой комплексный обед стоил тридцать копеек. Килограммовая буханка хлеба стоила восемнадцать копеек. В Алма-Ате было изобилие продуктов, фрукты и овощи очень дешевые. Знаменитые алма-атинские яблоки апорт стоили летом пять копеек, другие фрукты тоже дешево. Колхозные яблоневые сады располагались вокруг города на склонах гор, там же росли урюк и груши. Каждый, кому не лень, мог набрать рюкзак беспрепятственно.

Учиться было чем дальше, тем интереснее. История архитектуры, история искусств, архитектурное проектирование, живопись, рисунок, скульптура были основными дисциплинами – одно удовольствие. Математика была только на первом курсе, и никакой тебе физики и химии. Правда, диалектический материализм и марксистско-ленинская эстетика и еще какая-то хрень были такими же головоломными и совершенно неперевариваемыми, как и все работы великого вождя революции. Хорошо хоть, преподаватель этих так необходимых обязательных самых главных в СССР наук Дзюба, оказался очень добрым и славным мужиком. Видимо, он студентов любил и понимал, что эту политическую белиберду, в которой ни черта не разберешься, совершенно невозможно впиндюрить в ровные студенческие мозги, а потому придумал прекрасный способ сдачи зачетов – все должны были конспектировать его лекции. Так что студенты старались немного что-то написать на его лекциях. Даже если это было очень кратко – он зачеты принимал, за это его любили.

Даже сопромат, который преподавал Юлий Давыдович Рат, швейцарец по происхождению, не доставлял нам хлопот. Рат научил всех без особой теоретической подкладки тонко чувствовать этот самый страшный для студентов предмет так, что мы с легкостью решали задачи с эпюрами. Все оказалось на удивление просто! И только самые тупые, как Тулендэ Жаманкозов и Оля Постоева, не способны были их решать так, как учил Юлий Давыдович.

Однажды Рат заболел, и всю группу прикрепили к строителям слушать лекции по сопромату. Мы были в ужасе от лекций преподавателя строительного факультета, поэтому, когда Юлий Давыдович выздоровел, мы были просто счастливы вернуться к любимому преподавателю.

Староста группы Витя Селин и я так лихо щелкали задачи с эпюрами, что у меня возникла идея. Надо сказать, что мне всегда приходили какие-то идеи, я была еще та авантюристка.

– Витюха, а не поможем ли мы нашим некоторым друзьям со слабовыраженными извилинами сдать зачет, решить им задачи по сопромату? Плата – бутылка шампанского от строителей и шоколадка от архитекторов, а?

– Идет!

– Йес, сэр! Время пошло, начинаем. Люська, дуй вперед, собирай клиентов, да поживей!

Лежащая на кровати Грассиха оторвалась от книги, лениво потянулась и, оценив ситуацию, спустила ноги на пол. Пригрозила:

– Ну, Светка, смотри, подведете – я вам такую жопу устрою!

– Ну, спасибо! И тебе того же тем же местом по тому же месту, курочка ты наша!

Предложения посыпались сходу, времени было до утра. Изобретательная парочка расположились за столом и зарядилась пахать. Девки с книгами полегли на кроватях. К десяти часам середина стола была уставлена «валютой». Стали подсчитывать доход. Когда поток желающих сдать зачет иссяк, оказалось, что мы весьма прилично заработали – восемь бутылок шампанского, семь шоколадок и, внимание! – маленький пражский тортик.

Девчонки, терпеливо томящиеся на кроватях, соскочили со своих лежищ, нажарили традиционной картошки, и мы лихо повеселились на этой пирушке вместе с заказчиками. Разо-

шлись, пока не перепели все песни Окуджавы под гитару и не наплясались под Элвиса Пресли, Дина Риды и Марлен Дитрих, которая томно-бархатным голосом обворожительно пела моего любимого «Джонни».

Живопись, рисунок и скульптуру нам преподавали известные художники Казахстана. Будущие архитекторы старательно и сосредоточенно учились у них по четыре часа один день в неделю. Всем было интересно обсуждать законченные работы. Студенты выходили из аудитории и возвращались, когда оценки были проставлены. Преподаватели высказывали свое мнение о работах, после чего студенты сами вступали в обсуждение со своими оценками работ и критикой. Это было здорово! – жаркие споры и дискуссии помогали во всем разобраться объективно.

Среди преподавателей особенно полюбился заслуженный художник Казахстана Кенбаев, картины которого висели в постоянной экспозиции Картинной галереи. Это были эпические полотна внушительных размеров. Одна из них, где по степи мчится конница, была выполнена в стиле школы грековцев, где учился Кенбаев. Знойное марево, ковыль, усталые, загорелые до черноты молодые лица кавалеристов, трубач, красное развевающееся знамя, остроконечные буденновские шлемы, выгоревшие гимнастерки, впечатление подвига и веры в победу за правое дело. Картина передавала чисто физическое ощущение палящей жары и степного терпкого запаха ковыля, благодаря прекрасному таланту художника.

Кенбаев был немолодой уже и ко всем студентам проявлял отечески доброе отношение. Однажды он повел нас на Центральный стадион, где шла подготовка к олимпиаде в Мехико всех советских спортсменов, чтобы они акклиматизировались к мексиканской жаре в Алматы. Кенбаев хотел, чтобы мы оттачивали рисунок фигуры человека.

На стадионе зрителей не было, только мы и тренеры, и нам довелось увидеть мужеподобных Тамару и Ирину Пресс с мощной мускулатурой, Валерия Брумеля и других чемпионов мирового советского спорта.

Полдня мы проводили на трибуне, сидя в первом ряду возле поля. Кенбаев выдавал деньги и посылал в буфет наших тяжеловесов Борю Бойко и Тулендэ, они притаскивали огромные авоськи с кучей горячих пирожков и ящик лимонада.

Живопись, рисунок и скульптура были особо любимы из-за свободы передвижения по аудитории и желание выполнить работу старательно, отличиться, разжигая дух соперничества. Писали постановочные натюрморты, быстрые этюды с натурщиками. Обнаженную натуру уже не воспринимали стеснительно, относились к ней с уважением, внимательно рассматривая подробности молодого или старческого тела, красивого или ослабленного старостью. Так медики препарируют трупы – спокойно и внимательно изучая, без эмоций. Молодое тело вызывало восхищение и вдохновляло, старость – любопытство и жалость, было интересно передать силу или вялость, слабость мышц, мускулов, морщины, красоту молодости.

Проекты по архитектурному проектированию, которые надо было сдавать раз в семестр, я делала с особым наслаждением. В отличие от всех, я их переделывала по нескольку раз, и если что-то не нравилось, просто меняла направление поиска, натягивая новый подрамник и начиная все снова. Вариантов у меня всегда было много и от этого я постоянно металась в поисках. Другие же сокурсники мусолили свое единственное решение, терпеливо доводя его до конца.

Делала я все быстро, азартно и смело. И однажды меня засандалило, в аут занесло, в полный улет. Смастерила обалденный экстрим с цветовой подачей совершенно нестандартного, экспрессивно-абстрактного заскока. И уже к вечеру, когда заканчивала этот шедевр, интуитивно понимая, что творю что-то абсолютно несусветное, появился Вовочка Экк. Высокий с пышной шевелюрой красивый мальчик всегда всего боялся и сомневался до мандража в коленках. Его лицо всегда изображало внимательное отношение к собеседнику с открытым к любой

информации ртом. Нижняя челюсть его всегда была почтительно отвисшей. Вовочка стал просить меня помочь ему закончить проект, сделать подачу в отмывке до утра.

– Светик, помоги, пропадаю, ну ничегошеньки не знаю, как и что делать, боюсь – запорю!

И я, конечно же, согласилась. Для меня это было – как лишний раз потренироваться, засобачить что-нибудь этакое, чтобы – полный отпад, но уже без импрессионизма, в чистой классике. И я сделала все великолепно с гармоничным классическим цветовым решением! Средненький Вовочкин проект засверкал как алмаз в драгоценной оправе. Вовочка был в восторге:

– Свет, ну ты и ас! – вооще ништяк!

А на свой проект я плюнула, его все равно уже ничто не могло спасти, оставалось тащить на беспощадное растерзание Туманяну.

На следующий день мы предстали перед ним. Я уже была абсолютно уверена, что моя подача проекта в стиле тра-та-та не знаю чего – классическое дерьмо, занесло не в ту степь. Но деваться было некуда, на консультацию все равно надо идти, даже зная, что такой финт Туманян разгромит. И было интересно – как он это сделает! В общем, добровольно лезла под гильотину при всем честном народе.

Это был проект индивидуального жилого дома. Туманян, давая задание, говорил:

– Я вам завидую! Запомните, господа студенты, судя по всему, вряд ли в жизни вам предстоит делать еще раз такой проект индивидуального жилого дома, где бы вы раскрыли все свои творческие способности в наибольшей степени. У нас, увы, не принято строить такие дома! Мы зажаты узкими рамками градостроительных стандартов и норм. Так что проявите все свои способности и фантазии, этот проект должен быть для вас шедевром архитектурного мастерства. Желаю удачи!

Я и запузерила такой шедевр, который на предыдущем просмотре Туманян похвалил. В проекте была удобная, функционально обоснованная планировка жилого дома на семью из четырех человек с мансардой, атриумом и бассейном, встроенным в высокий цоколь дома гаражом и миниатюрным спортзалом, интересное решение благоустройства территории дома с насаждениями, цветами и водоемом с перепадами по ландшафту. Красота! Выложились по полной программе! Интересный и оригинальный проект получился. А вот подачу придется исправлять, то есть начинать с чистого листа после того, как мэтр разбомбит меня перед всеми. Ну, что ж, надо терпеть, раз понесло как самоуверенную овцу на новые ворота.

На этой последней консультации я, вопреки правилам, не полезла первой, так как чувствовала нутром, что нахожусь в глубокой дыре, полный абзац.

Туманян рассматривал проект Людки Трубачевой, которую мы ласково звали Труба. Красивый и вальяжный, с манерами английского лорда, всегда элегантно одетый, он любил делать из консультации моноспектакль, наполненный острым сарказмом, с убивающим наповал невозмутимым юмором или откровенной похвалой, не жалея слов.

Трубе досталось по полной программе. Туманян изрекал:

– Прошу, коллеги, обратить внимание на этот проект. Ну, скажите мне, кто хотел бы жить в комнате шириной в два с половиной метра и длиной в шесть? – да это же не комната, а коридор, душечка Вы наша! И что это за туалет в виде клетушки размером ноль шесть метров на ноль шесть?

Не дождавшись от Трубы ответа, Туманян выдержал паузу, потом продолжил с удовольствием:

– Господа, знаете, что бы я сделал? Я бы построил этот дом, поселил бы в него автора и водил бы экскурсии, чтобы показать каково живетя этому автору, так называемому архитектору. И что это за туалет такой махонький?! Да там же дородная русская красавица Марь Иванна не уместится со своими роскошными формами! Нет, милочка, придется поднапрячься хорошенько и все исправить, иначе...

Потом я подсунулась со своим подрамником и уныло ждала, пока Туманян с неопишным удовольствием долго все рассматривал, нагнетая напряженность момента:

– Ну что сказать, сударыня? Планировка, я бы сказал, идеальная. Но! – это он сказал с особым страдальческим нажимом. И опять замолчал, а потом выдал со вкусом, так, что захихикала вся группа:

– Господа! Прошу обратить внимание на подачу – перед вами потрясающий образец полнейшей, я бы сказал – классической безвкусицы! Это такая пошлая бездарность, что у меня нет слов, дорогая Вы наша. Я очень в Вас разочарован! – не ожидал, Вы меня безмерно огорчили! Прошу переделать подачу. Надеюсь, Вы меня понимаете, впредь соблюдайте меру и никакого сюрреализма, не стремитесь никого удивить! Оттачивайте вкус, дорогуша, в классике! Я так и не понял, что Вы хотели сказать этой подачей, которая в мощнейшем диссонансе с отличным архитектурным решением? Объясните, наконец!

– Да я и сама не могу понять, куда меня понесло! Извините, Юрий Богданович, абсолютно согласна с Вашим мнением. Исправлюсь!

Настала очередь Вовочки Эка. Заметно было, что Туманян проектом любит. Однако, вздохнув, сказал:

– Да-а! Прошу обратить внимание на удивительный потрясающий контраст между абсолютно непрофессиональным, я бы сказал, недопустимым проектным решением и безупречной, просто классической, мастерски выполненной подачей. Вот так надо работать кистью, господа! Хорошо бы еще и научиться шевелить мозгами, чтобы стать хорошим архитектором, молодой человек! Переделать планировку!

На этот раз реакция сокурсников была, казалась, неадекватной. Послышались смешки, а Боря Бойко как всегда нахально и неприлично ржал. Все знали, что по Вовочкиному проекту мастерски кистью водила я, которая только что была посрамлена, продемонстрировав классический бездарный образец безвкусицы.

Капля меда от похвалы Туманяна слегка подсластила мою бочку дегтя! – не все потеряно, я еще повоюю! Все, конечно же, исправила и получила пять с плюсом. На сдаче проектов при обсуждении моего проекта Туманян сказал:

– Я доволен, что не ошибся в Вас, сударыня! Вы все поняли и исправились, отлично! Запомните на будущее, одна старинная грузинская поговорка гласит: «Если Вы не знаете куда идти, то однажды можете очень сильно удивиться, узнав, что зашли куда-то не туда!» Так что думайте, думайте, затем отмерьте, причем сто раз, прежде чем решиться отрезать.

В группе была выбрана тройка. Витя Селин, как самый серьезный, к тому же отличник, скромный и выдержанный стал старостой группы. Ларису Павлюк, которую мы звали Павлючкой, выбрали секретарем комитета ВЛКСМ. Меня выбрали в профком факультета.

Кроме сбора взносов я имела доступ к путевкам и оказанию помощи нуждающимся студентам. Так что, времени не теряя, выбила денежную помощь Стрельчихе и достала ей путевку в Трускавец, лечить желудок, а Грассихе по блату подкинула путевку в Пицунду на Черное море Абхазии. Впрочем, не очень удачно. В тот год случилось наводнение и недавно построенные корпуса санатория серьезно пострадали. Грассиха была очень недовольна, что так не повезло:

– Ну, надо же мне было так запицундиться в эту жопу – все корпуса в воде были, такой кошмар!

– Ну ладно, наводнение-то хоть не помешало любовника завести?

– Да вы че, девки, не сезон же! Сплошной облом, одни старперы!

– Балда ты! Надо было не торчать в пансионате с утра до ночи, а бегать по Пицунде и ее окрестностям в поисках молодого и жизнерадостного чиколадзе! Их там пруд пруди, на русских девок, красивых вроде тебя, блондинка, летят как на мед! Как это можно – быть в таком райском месте и не задумываясь о здоровье, обойтись без кустотерапии? Ты, наверное, тор-

чала там, где старики принимают процедуры, чтобы привести в порядок свои обвислые члены и радикулит? А горячие и энергичные южные молодцы тучами пасутся в барах, кофейнях и ресторанах. Ты этого не заметила? Вот балда, на курорт она съездила! – все прелести профукала. Зачем?! Любownika для нее не нашлось! – сплошной облом твой от тебя самой. Ты же отпугиваешь мужиков, неприступная ты наша. Они на тебя глянут, а ты гордо отворачиваешься, чуть ли не с презрением, мол, какое мне дело до всех до вас, а вам до меня? Да ты посмотри на себя! Ты же ходишь в одной и той же одежде как мышка серая, оттого и настроение унылое. А с мужиками как надо?

– Ну и как?

– Да очень просто – всегда нарядная как куколка, ласково так улыбаться всем им, несколько рассеянно так, и загадочно, вроде как ему, а может и не ему. И вообще лучше всего держать эту улыбочку всегда до ушей, как приклеенную. Они ведь самовлюбленные индюки, думают, что это ты лично им улыбаешься и летят как мотыльки в предчувствии любви, которую обещает твоя улыбочка, что лучше его для тебя никого нет на свете. А ты на мужика смотришь так, словно он собирается тебя насиловать.

– Да я же не такая жопа, как ты!

– Ну вот, опять про свою любимую! Да-а, зря я тебе в зубах путевку горящую притащила, не в коня корм! Надо было самой съездить, а я тебя пожалела, тундра ты серая.

Но Грассиха нас обрадовала – сообразила привезти трехлитровую банку самодельного абхазского вина и мандаринов. Отпраздновали приезд с шиком.

А после этого я получила всеобщее обвинение от девок в уклонении от дежурства. То есть – мытья пятилитровой кастрюли после съеденного супа. Ну, я-то хорошо помнила, что не моя была очередь, а Грассихина. Но Грассиха никак не признавала того, что это она должна была мыть кастрюлю, так как, когда она приехала, суп был уже наполовину съеден. Девки тоже уперлись и стояли насмерть, поддерживая ее. Но я не сдавалась, и три дня кастрюля стояла немытая в темном углу за шкафом. А на четвертый день, когда я пришла вечером домой, нутром почуяла – что-то зреет, надвигается, какой-то заговор витает и, как видно, связан со мной.

Ну, виду не подавала, переделалась, песенку мурлыкаю, а в мозгах вопрос – чего ждать. Плюхнулась на койку, книжку раскрыла, читаю. Все молчат и делают вид, что чем-то страшно заняты. А я гадаю – чего придумали? И вдруг доносится до меня запашок, все более ощутимый, такой га-а-денький удушливый запашок. Ага, да это же вонь от протухшей пищи! Откуда? – да из кастрюли, конечно-же. И где она? Где-то рядом, уж больно силен этот тошнотворный аромат. Ясно, сунули мне под койку.

Я зевнула, громко и со вкусом, потянулась сладко и лениво. Девки захихикали. А я заговорила тихим, проникновенным голосом, ласково журчащим:

– Та-ак, дорогие вы мои! Забыли, что я львица, что не так – не потерплю! Ну, ладно, заговорщики, сами напросились!

Девки молча слушали, пытаюсь понять, куда меня несет.

Я отбросила книгу, снова потянулась и громко зевнула, лениво встала, неторопливо сунула ноги в тапки и, молниеносно нырнув под кровать, мгновенно выхватила оттуда вонючую кастрюлю и с торжествующим кличем ловко махнула ее в открытое окно. Слышно было, как кастрюля с грохотом ляпнулась со второго этажа на тротуар и покатила на газон. Повезло, однако, что никого не долбанула по башке! Девки нестройным хором завопили, выражая протест и ужас от потери кастрюли.

Я снова сладко потянулась и бухнулась на кровать. Девки заткнулись, но быстро опомнились и накинулись на меня

– Левая, ну ты и сволочь!

– Единственную кастрюлю – в окно!

– Стрельчиха, беги пулей, а то стибрят, не успеешь – пиши пропало!

Одна Грассиха невозмутимо сидела на кровати, положив под спину подушку и вязала, закинув ноги на табурет.

Испуганная Валентина мигом понеслась на улицу. А я, виновница преступления, бешено хохотала, лежа на кровати. Девки, свесившись из окна, стерегли, чтобы не уперли нашу единственную драгоценную посудину. Стрельчиха добралась до нее и, выхватив крышку с кастрюлей из буйно зеленеющего куста, взвыла:

– О-ой! Обожглась, крапива!

Когда она появилась с кастрюлей, уже вымытой и вычищенной на кухне до блеска, Грассиха отложила вязанье и восхищенно произнесла, поправляя на носу свои огромные очки:

– Ну, Светка, такой спектакль устроила – блеск!

Девки немного помолчали, пришибленные, но потом хором зашлись в дикой ржачке. Стрельчиха молча наблюдала этот бедлам и, дождавшись тишины, констатировала:

– Я всегда знала, что все вы дуры и жопы, как говорит Грассиха!

Мне пришлось достать три рубля и дать Грассихе:

– Беги в Южный, виноватая я! Пражский торт купи – мириться будем.

Вот так. Я могла быть разъяренной фурией, способной устроить разгром, могла казаться лапочкой, существом обворожительным и ласковым, невинной и беззащитной, и интриганкой. Перевоплощение могло происходить мгновенно. Главное – любила устроить спектакль! Шутиха я!

Грассиха только собралась идти в Южный, как пришел наш друг Виталик Когай. Он был денежный парень, как-никак кореец, родители ему слали денег достаточно, Виталик всегда мог одолжить пятак. Кроме того, он не курил, но всегда носил сигареты, чтобы угощать девок. Он только что вернулся с тренировки и заглянул к нам в надежде пожрать. Я сказала ему:

– Виталик, дорогой ты наш, единственный и неповторимый! Беги в Южный за портвейном, вот деньги на пражский торт. Захватишь гитару, мы картошки нажарим и ждем тебя, сэр! У нас сегодня праздник – день примирения. Дуй мигом!

Пир разгорелся до утра с песнями под гитару Виталика и песни.

У Жени Прохорова я познакомилась с Дедом. Дед был семидесятилетним доктором каких-то наук, необычайно интересным, с манерами аристократа, но зашибал почти как алкоголик. Когда он пил, фейерверк его красноречия зашкаливал. Было страшно интересно слушать бьющий фонтан его разглагольствований обо всем на свете – он был человек необыкновенно образованный, интеллигент и энциклопедист.

Чем больше он пил, тем больше наливался свекольным цветом его орлиный нос и тем более он становился артистичным. Красивым жестом ерошил белую до голубизны шевелюру и глядел на меня страстным влюбленным взором. Я снисходительно позволяла ему целовать мою руку и говорить комплименты галантно и изысканно. Он был тонкий психолог, умело очаровывал меня, я таяла от его мальчишеской лести и не скрываемой влюбленности. Истинный рыцарь и романтик, его веселая пылкая болтовня и влюбленность была чистой, нежной и возвышенной, подогреваемой портвейном № 13. Я ответно теплом и благодарностью отвечала ему. Мы с ним состязались в остроумии, пикируясь и забавляя компанию.

Прошло немного времени, и я узнала от Жени, что Дед помер. Оказывается он жил в коммунальной квартире, оставив первую жену, кучу детей и внуков ради толстой и доброй женщины, тоже ученой, которая была младше его на 20 лет и любила его безумно. Как сказал Женья, дома во время запоя у Деда произошел приступ и он захлебнулся в собственной блевотине. Такая вот бесславная трагическая смерть случилась с этим удивительным человеком.

Бесшабашная счастливая юность невозможна без любви. И ее было достаточно. Считалось, что в СССР не было секса. Но у студентов свои законы. Отношения завязывались быстро,

образовались пары, которые потом сыграли свадьбы. Первое свидание на первом курсе мне назначил Саша Мегидь. Но он показался мне каким-то дундуком, скучноватым, робким и закомплексованным. Наши отношения перешли в дружбу. Саша потом немного погулял с Павлючкой, потом переключился на Ларису Носову, потом с Любашей Тарновой долго ходили вдвоем. А потом – бах! Неожиданно его хождение по кругу закончилось, и он женился на Галке Москальцовой. Эта серая мышка оказывается, в него была тайно влюблена. Для этого она училась у Ларисы Носовой особой походке – ходить, отводя плечи назад и слегка помахивая сзади рукой, что Галке казалось сногшибательным.

Первой про любовь Галки просекла Надежда, случайно подслушав ее разговор с Сашкой. Со Стрельчихой они пошпионили, проследив за Галкой, довели ее до гинекологии и все поняли.

А Саша Мегидь, как единственный коммунист в нашей группе и честный человек, просто обязан был жениться на Галке, что он и сделал. К нему для этого приехал дядя. Первый раз тогда мы увидели, как Саша напился в драбадан, до слез с соплями. После чего повел Галку в загс. Любаша сделала вид, что ничего не произошло. И на последнем курсе влюбилась в мужа преподавателя ландшафтной архитектуры Лидии Павловны, который тоже был архитектором, смазливый, и, вдобавок, младше своей жены на десять лет. Любаша была такой миленькой девочкой с личиком куколки, этакая Мальвина, полная противоположность Лидии Павловны с ее мощными формами груди, рук, ног, плеч и зада. И эта милая куколка увела у нашей преподавательницы ее мужа.

А я не была готова к серьезным отношениям. Семья меня не привлекала, наоборот пугала своей ответственностью, Я превыше всего ценила свободу и творчество. Счастьем моим была неиссякаемая жажда творчества, которая жгла меня, и я не хотела расплескивать бушующее в сердце пламя на бытовые семейные радости. Это стало моей судьбой – свобода делать только то, что хочу, работать там, где интересно, чтоб она была хобби, а не ради денег, и заниматься творчеством, изредка бросаясь в любовные авантюры.

Я легко влюблялась, легко бросала, легко прощала измены, уходя без сожаления. Любовь была необходима, но не являлась самоцелью выскочить замуж. Она вспыхивала как мощный костер, буйно разгорающееся пламя охватывало меня моментально и так же внезапно могло скоростно погаснуть от сказанного слова, лжи, поступка, или черт знает от чего, не оставляя следа.

Но от любви не уйдешь. И она была. Первая – в Усть-Каменогорске, где я работала лаборанткой на кафедре в Пединституте и влюбилась в восемнадцатилетнего мальчика Володю Красавина, который обучал будущих педагогов вождению на грузовике. Он хотел поступить в Медицинский институт и стать хирургом. Этот парень с лицом Джека Лондона был младше меня на 4 года. Но он в меня влюбился, и я влюбилась в этого дерзкого и нежного мечтательного мальчика с фигурой боксера. Потом я поступила в институт, а его в это время забрали в армию, и все закончилось, оставив в памяти чувство благодарности за любовь. А любовь была чисто платоническая, меня панически останавливало то, что первым мужчиной мог быть этот романтический мальчик.

На его грузовике мы объездили все окрестности, которые по красоте не уступали Швейцарии. Все горы, долины, ущелья и гремучие речушки в окрестностях Усть-Каменогорска были великолепны, неожиданно возникали, сменяя друг друга, незабываемые горные пейзажи. Это было прекрасно! Как-то во время одной из поездок меня укусила шмель. Глаз моментально заплыл синяком и почти закрылся. Было очень больно, я три дня ходила с повязкой на глазу, и от меня жутко несло ихтиоловой мазью. Но нас с Володей так неудержимо тянуло друг к другу, что мы каждый вечер гуляли по парку и неистово целовались, несмотря на вонь ихтиолки и мой пиратский вид. Наверное, он сильно любил меня, если терпел такое.

Вторая короткая влюбленность случилась после первого курса, когда нас направили на практику в Ленинград. Поселили нас на Фонтанке в общагу ЛИСИ. Ах, какие были удивительные дни и белые ночи в этом прекрасном городе! Мы проходили практику в залах Зимнего дворца, где велись реставрационные работы. Делали чертежи и обмеры – кроки с лепных украшений, ездили на экскурсии по городу, в Петергоф, Пушкино, Павловск, Ораниенбаум, Кронштадт, ходили в музеи.

Мне так хотелось прочесать весь Эрмитаж и все осмотреть, что я старалась улизнуть от нудной работы по составлению обмеров и чертежей. Все добросовестно пахали, а я бегала по залам, не в силах оторваться от изобилия прекрасной живописи великих художников. Несмотря на всеобщее осуждение группы, я каждый день исчезала на два-три часа. Мне всегда было невыносимо делать то, чего не хочется, не интересно, и я это избегала без зазрения совести. Ну не надо мне было этих упражнений с обмерами! И я знакомилась с Эрмитажем, основательно изучая собрание шедевров.

Когда же вся группа не выдержала моих фокусов и взбунтовалась, я пообещала одна оформить общую пояснительную записку. Для этого мне выписали спецпропуск для доступа в архив Эрмитажа! – так наказание превратилось в удовольствие. Я попала в святая святых главного музея великого города, познакомилась с массой документов, одно прикосновение к редчайшим оригиналам которых вызывало благоговейный трепет. Пояснительную записку я выполнила классно, с приложением фотодокументов и своих зарисовок, заслужив высокую оценку. Меня простили, и я уже свободно бегала по этажам и залам Эрмитажа, а вся группа продолжала торчать над измерениями и чертежами лепных украшений, но ко мне уже не цеплялась.

А за день до отъезда два студента ЛИСИ подклеились ко мне со Стрельчихой. Они на практике подзаработали и пригласили нас в ресторан. Ну, пошли, попили шампанского, поплясали. Большинство наших студентов уже уехали домой, и Стрельчиха ушла с Геной, а я с Костином оказалась одна в комнате. Я ему сказала:

- Знаешь, Костик, ты лучше иди спать к себе, мне мама целоваться не велит!
- Да ладно, не похоже что-то, может, научу, и понравится, а?
- Если хочешь, оставайся, но устраивайся спать на Стрельчихиной койке и имей в виду – тебе ничего не светит.

Но со Стрельчихиной кровати он быстренько соскочи и одетый, в костюме и при галстукке, приступил к осаде. Я лежала на койке, тоже одетая, под двумя одеялами, так как было прохладно из-за открытого окна. Я, конечно же, позволила Костику лечь рядом поверх одеял и про мамин наказ забыла. Всю эту последнюю ленинградскую белую ноченьку мы не сомкнув глаз, целовались до одури на узенькой железной кровати. Но я устояла, не сдалась этому мальчику, была непреклонна. Может у него это тоже был первый опыт, поэтому он не смог соблазнить меня. Белая ночь закончилась, и под утро Костик сказал:

- Сдаюсь, чертова девчонка! Эту крепость, замурованную в кокон из двух одеял, мне не одолеть!

Измученные и усталые, мы заснули в объятьях друг друга. А потом мой несостоявшийся любовник ушел не солоно хлебавши, а мы с Валентиной уехали домой.

Я не могла просто так переспать с кем-либо не по своей воле, хотя меня все считали прошедшей огонь, воды и медные трубы за отношение к мужчинам, слегка высокомерное, насмешливое и снисходительное. Никому и в голову не приходило, что я сохраняла себя для любви, которая бы исходила от меня.

В эти брежневские годы была полнейшая свобода и раскованность, все казалось дозволенным, ничто не преследовалось – рок-н-ролл, стилиаги, буги-вуги, твист, битлы... Студенты, тупеющие до тошноты от бестолковых марксистско-ленинских правил, жили своей веселой

кипучей жизнью, занимались любовью. И при этом безусловно верили в светлые коммунистические идеи и счастливое будущее в самой лучшей стране мира – СССР.

Учеба во вторую смену позволяла нам устроиться на полставки и подзаработать. Саша Мегидь нашел работу и предложил мне устроиться с ним в Курортгражданпроект. Начальник отдела сказал ему, что заказан авторский проект курортного комплекса в горах Алатау, недалеко от Медео. Нас заинтересовала фантастическая возможность запроектировать такое, что потянуло бы, ну – никак не менее чем на премию в области архитектуры СССР. В общем, витали в небесах в надежде на то, что, такие талантливые, уж мы-то не упустим возможности забаббахать шедевр.

Несколько дней ходили, обсуждая проект, окрыленные от предвкушения интереснейшей работы. А потом все рухнуло после того, как мы уже побывали на живописном месте строительства в горах. Никому не нужен оказался авторский индивидуальный проект, решили поскорее подобрать типовуху и привязать ее к местности. Огорченная, я не смогла этого пережить и уволилась. Начальник уговаривал меня:

– Светлана, ну что же Вы так сразу обиделись! Вы же будете фасады делать для защиты у главного архитектора города.

– Знаю я Ваши фасады, ничего не позволите. Картинки рисовать мне не интересно на обыкновенном типовом здании, я – архитектор, мне нужна творческая работа, мы бы сделали с Сашей то, что Вам и не снилось!

– Да где-ж ее взять-то, творческую работу?

– Да уж точно не у вас!

А Саша продолжал работать у них, ему ведь надо было зарабатывать деньги для семьи, где уже был ребенок.

Потом наступили зачеты и экзамены. После летней сессии, мы с девенками пошли в бар при ресторане Алма-Ата на втором этаже. Попить коктейль с чудным названием шампань-коблер и отметить сдачу экзаменов перед поездкой на практику по живописи в Узбекистан. Нарядились, причесон соорудили соответствующий выходу в свет и отправились в бар. Бармен у стойки был та-акой чувак, что я моментально включилась с ним в искрометный треп. Девки подхихикивали и балдели, пока бармен мастерски готовил коктейли.

А я уже поняла, что просто отчаянно влюблена. Сидя за столиком, рассеянно поддерживала разговор и краем зрения секла, что бармен за мной наблюдает.

«Ну, смотри, смотри какая я! Смелее, действуй, очень хочется, чтобы ты первый начал!»

И он глядел на меня.

– Светка, жопа, кажется, бармена зацепила. Такой чиколадзе! – заметила Грассиха.

Попив коктейль, полакомившись мороженым, орешками и кофе капучино, мы собрались уходить. Поднимаясь из-за стола, я обернулась к бармену, поймала его взгляд и слегка помачала рукой. Выходя из бара, он догнал меня и взял за руку:

– Подожди минут пятнадцать, напарник придет и я выйду, о,кей?

– Йес, сэр!

– Девчонки, не ждите меня! – крикнула вслед подругам, которые деликатно поскакали вниз по лестнице.

– До утра или как? – завопила нахально Стрельчиха уже из вестибюля.

– Как скажете, красавицы! – прогремел вслед подругам его голос. Хотелось бы до утра, подумала я.

Его звали Лави. Такое вот необычное имя. Мне он показался ошеломительно красивым. Кудрявый, черноволосый с огромными черными глазами и четко очерченными губами, лицо волевое, а взгляд как у ребенка – радостно открытый и улыбка на лице. Весело болтая, мы бродили по городу, даже не бродили, а бегали как дети. Он то держал меня за руку, то забегал вперед и смотрел своими детскими глазами так влюбленно, что я сладко таяла.

Добрались до парка. И тут рванул дождь, как водопад хлынул, выплеснул огромную массу крупных капель и пропал, словно и не было. Мы успели спрятаться под детский грибок, а когда выскочили на тротуар, то оказались перед огромной лужей – не обойти. Мы остановились. Лави, не отпуская моей руки, сказал:

– Сударыня, я-то пройду, а ты ножки промочишь в босоножках. Давай я тебя перенесу?

– А не уронишь?

– Не уроню, если не будешь брыкаться!

– Ну, не знаю, может, и не буду! – веселым хохотком поддразнивала я парня.

Он подхватил меня на руки, протопал по луже и не сразу поставил на землю. А потом подхватил меня за талию, обнял, поднял и кружил так, что в глазах вертелось, а я весело смеялась, счастливая. Потом Лави отпустил меня и сказал:

– Я хочу тебя поцеловать!

– Ну, и в чем же дело, чего ждешь, принц?!

Ах, как кружится голова!

В парке был ресторан, куда Лави привел меня. Шампанское, вкусная еда и танцы под музыку оркестра добавили огня для сближения, мы танцевали и целовались.

Вышли из ресторана в полночь. Небо было черным, но свет луны и сверкающие звезды были огромными, казалось, что они близко-близко. Весело болтая, играючи, мы бегали по парку, качались на качелях и вскоре оказались на темной аллее, выходящей к речке Алмаатинке.

Среди деревьев возле речки – о, чудо, обнаружили огромную копну свежескошенной травы. Ну, просто идеальное место для влюбленных! Я уже понимала, что должно было произойти! Лави остановился и обнял меня, крепко прижав к себе. Руки его заскользили по моим бедрам, подол шелкового платья медленно пополз вверх, тонко шурша. Я слышала кожей горячие ладони, и у меня томительно заныло внизу живота. Не сдерживаясь, дрожащими руками я расстегивала его рубашку, пока он, раздевал меня и целовал обнаженную грудь. А мои руки чувствовали его грудь с густой шерстью. Лави вынул из полевой офицерской сумки легкий плащ и расстелил его на копне. Ширкнул молнией джинсов и мы опустились на копну. Мягкое ложе упоительно пахло ромашками и скошенной травой.

– У меня ничего такого не было, ты первый! – сказала, а сердце бешено молотило.

– Светик, все будет хорошо! Я люблю тебя, я так хочу тебя! А ты?

– Я тоже!

– Когда у тебя было... ну, то, что у вас бывает? – спросил тихонько Лави, приблизив губы к моему уху, – если не больше недели, то можно ничего не бояться.

– Спасибо, милый, можно не бояться.

Он меня целовал, а руки нежно скользили по моему телу:

– Какая у тебя кожа! Какая потрясающая грудь!

Я отвечала ему поцелуями и тоже знакомясь с его телом. От него хорошо пахло еле слышным одеколоном.

Неторопливо, сдержанно лаская меня, Лави говорил:

– Не бойся меня, все будет хорошо! – я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, мой милый мальчик, и хочу, чтобы ты был первым моим мужчиной.

– Все, иди ко мне!

Лави потянулся лицом к моим губам, потом добрался до набухших сосков, и целовал, двигаясь губами вниз по телу. Сердце колошматило, рука скользила по его шелковистым курчавым волосам, я слышала мохнатую грудь и мускулы, губы сохли, я вся дрожала от страха и накатившего желания. Лицо Лави оказалось между бедер, ноздри его трепетали, жадно вдыхая мой запах. Он ласкал меня губами так, что я почувствовала взрывное желание раствориться в нем.

Он задвигался, и вскоре я ответила ему. А в закрытых глазах мелькали, как в калейдоскопе радужные, какие-то светящиеся облака, орнаменты, узоры и разводы, непрерывно переливаясь и сменяя яркие краски. Это запомнились мне навсегда.

Отстранившись друг от друга, мы успокоились, потом поднялись и помчались к Алма-Атинке. Вода была прохладная и мы с удовольствием плескались в реке.

Вернулись на копну и расслабленно лежали, целуясь благодарно и нежно.

– Посмотри, мы одни в этом мире, над нами только звезды. Как они красивы! Их миллиарды. А какие названия – Орион, Вега, Бетельгейзе, Альдебаран, Альтаир, Кассиопея...

– Лави, расскажи про себя.

– Мои родители живут в Ереване, медики, я там учусь заочно на юриста. Здесь живу с бабушкой. Она старая эчка, после Сорбонны вернулась в Россию и попала в НКВД как враг народа. По пятьдесят восьмой статье ее вслед за мужем отправили отбывать первый срок на Колыме. Муж сгинул в лагерях, а она второй срок оттянула в Казахских степях, работала в лагерных больничках. После реабилитации добралась до Алма-Аты. Она известный гинеколог, меня научила любить и уважать женщин. У нее масса книг известных зарубежных сексологов, которые ей удалось спрятать. В СССР такие книги не издаются. Это наука о любви, умении доставлять наслаждение и наслаждаться, да много чего надо знать, чтобы любить друг друга...

То, о чем он говорил было интересно и неизвестно. Я слушала его тихий голос, он говорил ласково и нежно, бережно открывая мне то, о чем не принято было говорить. Я благодарна была моему первому любовнику за эти знания, на всю жизнь запомнила то, что сделало меня женщиной.

Цветочные ароматы ночи и звездное небо создавали особую ауру любви. Лави вынул из пластиковой коробки тонкую американскую сигарету Филипп-Моррис с коричневым мундштуком и, закурив, передал ее мне.

– Ого! Ничего себе сигаретка! Такая ароматная и красивая. Откуда?

– Фарцовщики чего только не приносят. Знаешь, я никого еще так не любил, а в тебя влюбился сразу! Как же ты сохранилась до меня?

– Ну, наверное, потому, что тебя искала! Я, между прочим, смешанных кровей дочь, светлые волосы и глаза – чисто русские, но черные брови, скулы и раскосые глаза от отца и бабушки-цыганки. Конечно, в нас течет горячая татарская кровь, да еще мой дед по матери – хакас, дед по отцу – донской казак, а донские казаки вроде бы произошли от гордых независимых и воинственных кавказских племен аланов, которые добрались до Дона, откуда и пошло казачество. Наверное, потому я так люблю не только русские народные, но и грузинские, армянские, казачьи и цыганские песни, да вообще все народные, они самые красивые. Моя смешанная кровь горит как костер цыганский и пенится как твой шампань-коблер.

– Ой, про шампань-коблер-то я забыл, он у меня во фляжке.

В сумке нашлись еще и конфеты. Лави рассказывал, что его отец армянин, мать русская, про удивительную бабушку, которая научила его любить русские народные песни. И мы пели. Я – Окуджаву, Муслима, Жана Татляна, Шарля Азнавура, цыганские и русские народные. В ответ Лави спел красивую армянскую народную песню про любовь.

– Ой, какая красивая, я ее слышала. Научишь?

– Ну, конечно научу, моя красавица!

Потом спросил:

– Ну, ты как, нормально?

– Отлично! – словно в рай залетела? Господи, не дай сойти с ума!

Всю ночь мы резвились как дети, бегали после купания между деревьями, кувыркались на своем лежбище и до рассвета любили друг друга. Когда встало солнце, мы снова искупались, оделись и уснули, обнявшись. Проснулись от шороха метлы, которой рабочий подметал аллею недалеко от нас.

Я не сказала Лави, что уезжаю в Узбекистан на практику, чтобы не огорчать его. Просто сказала, что приду в бар, в полдень ему надо было приступить к работе. Такси домчало нас до общежития. Я поцеловала его, погладив по щеке.

– Я люблю тебя! Я буду ждать тебя! – шептал Лави.

– Я тоже! Спасибо, милый!

Я выскользнула из машины, постояла с поднятой рукой, глядя на высунутую в окно его голову и руку. Такси повернуло и скрылось, я пошла к общаге.

Девки теребили вопросами, но я не была расположена делиться впечатлениями. Любовь высосала все силы:

– Перебьетесь, спать хочу!

Добралась до постели, не раздеваясь, рухнула лицом в подушку и отключилась.

Разбудили меня за два часа до отхода поезда. Времени проститься с Лави не было, оставалось только привести себя в порядок, собраться и на вокзал.

– Ну, ты даешь, Светка, не разбудили, так бы и проспала. Еле живая явилась, глазищи горят, как у кошки, какие-то шальные, щеки впали, скулы торчат – пропала, подруга!

– Ой, девки, не могу – до чего я счастливая и до чего несчастна-я-аа! Точно, пропала! И ничего хорошего, влюбилась по уши, обещала заскочить, и на тебе – уеду на месяц, не простившись, даже не сказала, что уезжаю, балда! А зовут его, знаете как? – Лави!

– Ничего себе, он что, не русский? Да, этот Лави так тебя ухайдакал, что не проснулась бы.

– Ой, девки, проспала я свою любовь! Какая же я несчастная!

И я, завывая от слез, торопливо готовилась к поездке.

В шесть часов вечера поезд умчал нас в Узбекистан. Лежа на верхней полке, я не общалась ни с кем, думая только о своем любимом с нездешним именем Лави, который не дожидается меня и, конечно же, будет страдать, не понимая, почему я не пришла, бросила его, обманула!

Дорогой мой, любимый, единственный! Я тоскую по тебе, мой черноглазый мальчик! Спасибо за любовь! О, Господи, скорей бы вернуться в Алма-Ату!

А тело мое и кожа томительно горели от воспоминаний прошедшей ночи, не давая уснуть.

В Узбекистане сначала был Ташкент. Мы приехали в город после землетрясения и увидели страшную разруху, которую оставило жуткая беспощадная стихия. Люди, собаки и кошки, оставшиеся без крова, бродили, бегали по развалинам в поисках родных, близких и вещей как сомнамбулы. Плач, крики слышны были отовсюду. Потрясенные страшным видом развалин и несчастных людей, мы вернулись на вокзал, чтобы ехать в Самарканд. В Ташкенте делать было нечего.

Самарканд оказался древним сказочно красивым городом, центр – сплошное средневековье. Даже не верилось, что мы живем в двадцатом веке. Многие жители в национальной одежде, полосатые халаты мужчин, из-под которых выглядывали белые подштанники, яркое разноцветье женских платьев и шароваров, обилие поблескивающих национальных украшений на шеях и руках утонченных восточных женщин с заплетенными в множество косичек черными волосами.

Яркое изумрудно-лазоревое небо, нещадно палящее солнце, редкая зелень чинар и невозможность укрыться от солнцепека со своими этюдниками, кроме как в тени каменных древних строений, голубое узорочье керамических плиток, покрывающих купола и минареты зданий средневековой архитектуры – все казалось волшебной сказкой. В тени деревьев множество низких деревянных, огороженных перилами площадок – достарханы. На них, покрытых коврами, сидели люди перед низкими столиками, уставленными фарфоровыми чайниками с чаем и расписными пиалами. Свежеиспеченные лепешки-лавашики, самса, шашлыки

из фарша и тонкий аромат чая – все пахло одуряюще вкусно и зазывно, и мы с раннего утра привыкли завтракать именно так – зеленый чай без сахара с горячим мягоньким лавашиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.